

■ ЧАСТЬ I

Глава 1

Дождь шел всю ночь. Он шумел, постукивал и, казалось, выматывал всю душу — осенние дожди, знаете ли... Даше не спалось, она бродила по комнатам, долго и жадно пила на кухне воду — холодную, из-под крана. Потом закуривала на балконе и, замерзнув, выбрасывала маленькую тлеющую ракетку. Вернувшись в комнату, застывала перед своим отражением в небольшом настенном зеркале (господи, осунулась-то как за эти два дня!), с размаху бросалась на кровать, тоскливо ждала сна, который не шел, и знала, чувствовала: вот-вот позвонят.

Телефон зазвонил в четыре утра.

— Одевайся, — сухо сказал знакомый голос. — За тобой придет машина.

— Зачем?

— *Она* хочет тебя видеть.

Даша задумчиво положила трубку на рычаг. Хочет видеть — это хорошо. Если человек чего-то хочет, значит, еще есть надежда...

В темноте быстро замелькали глянцевые апельсины фонарей, яркие магазинные вывески, знакомые улицы и повороты. Вот и Смоленская площадь, незаметный двухэтажный особнячок, привычная, тяжело-гранитная

мемориальная доска: «Здесь жил и работал академик Петр Петрович Плотников». Интересно, думала Даша, надолго ли сохранится этот дом жилым, после того как Веры Николаевны не станет?.. Говорили, что на особняк давно зарится некая могущественная организация (очень уж удобно расположен, уютен, респектабелен), но жильцов до сих пор не трогали — из уважения к более чем девяностолетней вдове именитого ученого. Не в Бутово же ее перевозить вместе с прочей людской мелочью?! Да и ждать, конечно, оставалось недолго: двадцатый век на исходе, а Вера Николаевна, слава богу, родилась в последнем году девятнадцатого.

Пройдя через анфиладу комнат, Даша тихонько постучала в спальню. Привычного «войдите» не услышала, но словно бы почувствовала: скрипнула кровать, шевельнулся воздух. Бледный профиль на подушке, крупный породистый нос и все еще зоркие, хищные, насмешливые глаза — подумайте только, насмешливые!

— Как вы сегодня, Вера Николаевна?

— Слава богу, хоть сейчас отучилась бабушкой называть. — Голос был, как всегда, немного высокомерен. Сухость у этой семейки в крови. — Какая я тебе бабушка?

— И верно, — весело согласилась Даша. — Никакая. Что из меня за родственница? Седьмая вода на киселе, внучатая племянница троюродной сестры... А все же ответьте: самочувствие как?

— Скверно. — Ястребиный глаз требовательно и

грустно покосился на Дашу. Да-с, теперь таких не делают, и нынешние — как ни стараются — так не смотрят. Вот и сама Даша, как ни силилась обучиться, никогда не могла смотреть одновременно нахально и нежно, проницательно и наивно. В бабушке же, несмотря на немощность, сохранялись и женская царственность, и какая-то естественная, необидная надменность. Чего ж вы хотите: Серебряный век, дворянская выучка... Порода, одним словом.

А старуха меж тем продолжала:

— Кажется, все, Дашенька. Нажилась. Пора и честь знать. Последние два дня ни есть, ни пить не могу; и ничего не болит — а не спится, все думается...

Тебе не спится, с легким и саму ее удивившим раздражением подумала Даша. Да вокруг тебя последние два дня никто не спит. Недвижимость! Деньги! Вклады! Антиквариат! Картины Рериха, Левитана, Поленова, Серова, и все, заметьте себе, подлинники... А завещания-то и нет. Семья волновалась, подсчитывала, плела интриги. Сама-то Даша, положим, к дележке этого пирога прямого отношения не имела — слишком уж дальняя родня. Да она никогда на бабкины ценности не зарилась — прямых наследников много. Тем не менее и ей последние дни спалось плохо; нервы были натянуты. Во-первых, бабушка ей совсем не чужая: видеть ее при смерти, знать, что расставание неизбежно, было грустно и тягостно. В сущности, в последние годы только она и оставалась для Даши единственным близким челове-

Олег Рой

ком, родственной не по статусу, а по сущности. А вторых, от истории со всеобщим ожиданием наследства веяло чем-то давно забытым — драмами нелюбимых сыновей, традициями древнего рода, тайнами и проклятиями русских усадеб... И немножко щекотало, дрожало где-то внутри, за пазухой — не то чтоб очень богатства хотелось (что с ним, интересно, делать? На охрану от киллеров тратить?), а любопытно все-таки, забавно, интригующе.

Так думала Даша, а сама машинально говорила то, что обычно говорят умирающим:

— Полно вам. Не так все плохо. Это осень на вас действует. Дождь целый день, и в окнах серо, потому и настроения нет. А выглядите, по-моему, даже лучше обычного...

И осеклась. Тоскливый взгляд старухи заметался по комнате, рука потянулась и цепко ухватилась за Дашино запястье. Нет, плохо, плохо... Не выдюжит Вера Николаевна, сдастся. Жалко ее. Но и права бабка — пора. Ничего не сделаешь.

— Ты присядь, Даша. Хочу с тобой поговорить... Эти, — она неловко повела головой в сторону закрытой двери, — пусть все делят. Не сердись, девочка: фамильные жемчуга пусть в фамилии остаются. Сама понимаешь: даже если б я захотела что-то тебе оставить, по судам бы затаскали, загрызли. Ничего плохого не хочу сказать о своих детях: упорны, настойчивы, но... уж очень своего не упустят. Понимаешь, что я хочу ска-

зять? Заждались моей смерти. Да и то сказать, долго ведь ждали. А все-таки не должны бы так открыто, так явно... Но и я им веселый сюрприз приготовила!

Бабушка закричала, заворочалась на высокой постели, и откуда-то из кружевных прошив, из белоснежной кипени подушек и простыней вдруг вынырнул продолговатый узкий сиреневый конверт.

— Это тебе, Даша. Только тебе. — Голос был серьезен и ласков, а глаза смотрели на внучку так пронзительно, что у Даши сжалось сердце. — Ты погоди пока читать. Вот когда все кончится, тогда уж... Клади, клади в сумочку, не смотри на меня так. Спрятала? Ну вот и ладно. Я, признаться, долго раздумывала, не сразу решилась... на такой шаг. Но после поняла, что ты единственная, кто сможет меня заменить... А впрочем, может, я и сама еще сгожусь, а?

Вера Николаевна неожиданно подмигнула девушке и вдруг совсем другим, железным голосом произнесла:

— Нельзя! Ко мне нельзя. Я занята!

Даша вздрогнула, оглянулась на дверь спальни. Та, оказывается, была уже приоткрыта.

— Ты извини, мама, — тихо и вальяжно протянул тот, кто звонил Даше нынешней ночью. — Мы привезли нотариуса, едва сумели уговорить в такую рань. Может быть, начнем?

Вера Николаевна тяжело подняла плохо слушающуюся руку, поправила седые, сбившиеся на подушке

Олег Рой

волосы. И вдруг, с каким-то обреченным озорством взглянув на Дашу, произнесла:

— Не сегодня, Сережа, прошу тебя. Я не могу сейчас принимать посторонних, тем более мужчин. Я... плохо выгляжу.

* * *

Даже спустя много дней после смерти Веры Николаевны Даша не могла удержаться от улыбки, вспоминая это последнее бабушкино женское кокетство.

Не удержалась, разумеется, в ту вполне драматическую минуту, невольно восхитившись про себя: ну и старуха! И немедленно поплатилась за свой смешок.

— Конечно, конечно, как скажешь. Он подождет. Но, наверное, и Даша тебя уже утомила. Говорил я тебе, не надо было выдергивать ее из дома — еще успеете и навидаться, и наговориться... — жестко прервал их Сергей Петрович.

И уже обнимал Дашу за плечи, уводил, тянул из комнаты, недобро на нее поглядывая и делая вид, что не слышит тихих возражений матери.

В просторной гостиной, там, где матово отсвечивали горки, заполненные старинным фарфором, где хрустальная люстра бросала торжественные блики на огромную дубовую столешницу (как же памяты были Даше нечастые, чинные семейные празднества за этим столом по случаю бабушкиных именин — в те годы, когда она их еще праздновала!), где по стенам разброса-

ны были мягкими цветовыми пятнами полотна русских передвижников, — так вот, в этой самой гостиной дядя уютно устроился в кожаном кресле и предложил:

— Садись и ты. Домой ведь не поедешь? Конечно, нет, что я спрашиваю... Вы ведь не договорили.

— Нам не дали договорить, — поправила его Даша. Спорить ей не хотелось — да было и не о чем, а хотелось домой, спать. Но в то же время она понимала: нельзя уезжать, не простившись с Верой Николаевной. Это не было с ее стороны простой вежливостью, это было нежеланием расставаться навсегда без последнего слова, взгляда, прикосновения...

— Ты меня осуждаешь, — не вопросительно, а скорее утвердительно произнес Сергей Петрович. — Наверное, правильно. Но только не надо представлять всех нас в виде акул, хищно ждущих последнего маминного вздоха. Все немного иначе, и мы не палачи, а жертвы...

— Бабушкины? — засмеявшись, перебила Даша. Ее собеседник поморщился.

— Да не самой бабушки, а ее неумной фанаберии, неудержимой склонности к спектаклям и драматическим позам. Ты же знаешь, завещания нет. Что ей мешало, скажи пожалуйста, сделать все достойно и просто, как люди делают, как в нормальных семьях принято? Распорядилась бы сама, без истерик и паники, расписала — что кому; слава богу, есть что расписывать. И тебе бы, между прочим, могло обломиться, если б она и

Олег Рой

вправду захотела тебя облагодетельствовать... И никаких бы обид, никаких трагедий не было. Так нет же, вбила себе в голову, что, как только составит завещание, тут же за ней и смерть придет. Ну смешно же, право слово!

Даша кивнула. И в самом деле смешно. Об этой фантазии Веры Николаевны вся родня знала, все соседи судачили. И, по большому счету, Сергей Петрович прав. Он часто бывает прав — холеный, ладный, подтянутый, все еще импозантный в свои шестьдесят с хвостиком. И смотреть на него, в общем, приятно: воплощение жизненной удачи, лучащегося здоровья, хорошего воспитания... Господи, да почему же ей так неприятно на него смотреть?

«Может, завидуешь?» — ядовито спросил тоненький внутренний голос. Но Даша одернула его строго и уверенно: не в зависти дело. А в чем же?..

А дядя тем временем продолжал:

— Давай, Дарья, мы не будем с тобой разыгрывать пошлую мизансцену под названием «Бедная родственница у постели умирающей в ожидании наследства». Надеюсь, ты человек здравомыслящий и сама понимаешь: завещания нет и, скорее всего, уже не будет. Я свою мать знаю. А не будет завещания — не будет и родственных благодеяний. По закону все достанется нам, двум сыновьям и прямым наследникам. Ты уж не обессудь: не мы так распорядились... Поэтому давай догово-

римся жить дальше без взаимной неприязни и необоснованных претензий друг к другу.

Даша кивнула. Прав, прав Сергей Петрович. Претензий у нее и раньше не было, что же касается неприязни, то... А дядя вдруг круто поменял тему и с небрежной, но ощутимой заинтересованностью спросил:

— Кстати, ты внимания не обратила? Шкатулка еще на месте?

Даша рассмеялась, и стало ей почему-то легко, и пропало чувство неловкости перед этим элегантным, уверенным в себе мужчиной.

— На месте, дядя, не волнуйтесь. Все там же, под подушкой, я видела. Целы ваши жемчуга-брильянты.

— Напрасно смеешься, — строго оборвал ее родственник. — И они не мои, они — фамильные, детям и внукам достанутся. Впрочем, тебе этого не понять, у тебя чувства семьи нет и никогда не было — откуда ему взяться?

И правда, кажется, взяться неоткуда. А чувство семьи у Даши все-таки есть и выражается не в стремлении поскорей наложить лапу на наследные драгоценности... Но дискутировать ей по-прежнему не хотелось. Она поднялась, подошла к окну и, отодвинув тяжелые шторы, чуть-чуть приотворила створку. Сырой воздух московского октября ворвался в комнату, тусклый утренний свет как-то сразу обесценил и заставил побледнеть роскошное электрическое освещение, стало ощу-

Олег Рой

тимо прохладней, но зато дышалось легче. Чуть пожившись, Даша уткнулась лбом в стекло и застыла.

— Закрой окно, — услышала она недовольный и по-прежнему суховатый голос. — Сама простудишься и дом выхолодишь.

Она вздохнула и вернулась в кресло. Глупая привычка повиноваться осталась в ней с детства. А ведь, казалось бы, уже не девочка — двадцать семь...

Посидели, помолчали. Даша крутила тонкое серебряное колечко на пальце (ей шло серебро, шли легкие, неброские тона и ткани — «акварельная девочка», как звали ее когда-то сокурсники в архитектурном), отбрасывала назад пепельную прядь волос, привычно тянулась за сигаретой — и вспоминала, что нельзя... Ей казалось, в доме стоят все часы и слоится застывший, как слюда, воздух; замерли неподвижные темные занавеси; затуманились, словно побледнели, все зеркала. Дом ждал смерти. И ожидание это, повисшее в воздухе, стало наконец столь ощутимым и тягостным, что Даша не выдержала:

— Можно я загляну еще раз к бабушке? Только прощаюсь и уйду. Мне ведь сегодня на работу.

— Нельзя, — ответил Сергей Петрович. — У нее в это время обычно бывает медсестра — знаешь, давление померить, витаминчики вколоть... А ты вот что, — громко и немного делано вдруг оживился он, — сходи-ка на кухню, свари кофейку, сообрази что-нибудь на

завтрак. Поедим, заглянем вместе к Вере Николаевне, а потом мой шофер тебя подбросит на работу. Годится?

— Не годится, — резче обычного ответила Даша. — Для работы я не одета. Мне нужно привести себя в порядок и хоть немного собраться с мыслями.

— Так ведь еще и семи нет. Не упрямясь, пожалуйста...

И тут из спальни раздался легкий вскрик, шум — и сразу же заговорил весь дом, забегали и засуетились люди, заскрипела мебель, разбилась чашка, и тишины больше не стало.

Дом дождался.

* * *

Кофе Даше все-таки пришлось сварить. Она делала это почти машинально: перетирала жесткие зерна в ручной деревянной мельнице, ставила на огонь тяжелый старинный кофейник, искала сахарницу, которой почему-то не оказалось на привычном месте... Бегство на кухню было кстати; ей совсем не хотелось принимать участие в том ритуальном действе, которое разыгрывалось теперь в доме на Смоленке. Хотелось другого: молча посидеть рядом с бабушкой, подержать ее за руку и запомнить тяжеловатое, родное лицо — еще не успевшее измениться... Но этого было нельзя. Даша отлично понимала, что в этой игре, среди шепотков и коротких всхлипываний, ей нет места, и просто ждала, пока прой-

Олег Рой

дет время и кто-нибудь вспомнит: «Ой, где-то здесь я Дашу видела, надо ее позвать попрощаться!»

Позвонив в банк и отпросившись на неопределенное время (постылая работа! надутый, недалекий начальник!), она сидела теперь на кухне и вспоминала, вспоминала... Почему так странно устроены люди? Не столь часто приходила она в последние годы к Вере Николаевне. Но когда узнала, что та почти безнадежна — а умирала бабушка не от какой-то конкретной болезни, а просто «от старости», как говорили все врачи, — стала бывать каждую неделю. Они так никогда и не сделались близки как родственники: Вера Николаевна никого не впускала в свой потаенный внутренний мир. Но при этом интересовалась Дашей и ее жизнью всегда. А поскольку она и в свои девяносто с лишним была умна и небывало остра в суждениях, Даша чувствовала: теперь ей будет страшно не хватать этих неторопливых часов в затемненной спальне, жарких споров обо всем на свете и бабушкиных язвительных «барышня» и «помилуйте-с»...

Дашины родители погибли в автокатастрофе, когда ей было двенадцать. И воспитывалась она у той самой троюродной сестры Веры Николаевны, которая вдруг волею судьбы оказалась самой близкой Дашиной родственницей. Девушка хорошо помнила, как мама Лена (так она звала свою воспитательницу) впервые привела ее в этот особняк на Смоленке, где семья академика занимала целый этаж — немыслимая, вызывающая роскошь по советским временам! И Вера Николаевна, бро-

сив на нее приветливо-равнодушный взгляд, спросила: «Это и есть наша сиротка?» А потом, оглядев Дашу повнимательней, добавила: «Запомните, барышня, красное не носят с розовым — это слишком отдает кафешантаном...»

Дашу бросило в краску, и с неожиданной для себя дерзостью она возразила:

— Это спорный вопрос — сочетание цветов. Например, у Кандинского...

— Даша! — испуганно зашипела ей в ухо мама Лена.

— Нет, нет, — решительно остановила ее хозяйка дома, — это становится интересным. — И, подняв бровь, снова перевела взгляд на девочку. — Барышня увлекается живописью?..

Даша не просто увлекалась живописью — она рисовала часами, чертила, строила целые замки — на песке и бумаге, запоем читала биографии великих градостроителей и мечтала стать художником по ландшафтам. Она им стала, окончив архитектурный институт и победив на нескольких российских конкурсах. Только вот зарабатывать на жизнь любимым делом оказалось неимоверно трудно. Муниципальные заказы давались только счастливым избранным. И частными клиентами в ее профессии могли быть далеко не все: многим ли в России нужны специалисты по парковой скульптуре и фитодизайну? А способных оценить Дашины идеи среди них оказалось и вовсе немного, большинство пред-

Олег Рой

почитало дачу «как в журнале» или загородный дом «по типу соседа»...

Так и вышло, что в один прекрасный день Даша оказалась скромной сотрудницей довольно известного банка — разумеется, с улицы туда никого не брали, протекцию составил старший сын Веры Николаевны. И теперь у нее были собственная, хоть и небольшая, квартира, вполне достойные средства к существованию и не слишком пылкая личная жизнь. Время от времени она создавала проекты почти фантастических по красоте загородных вилл и городских парков: иногда бесплатно, «по-родственному», иногда — за солидные гонорары. Все вместе давало ей чувство независимости, обустроенности жизни, но не давало ощущения ее полноты и правильности. А боязнь одиночества, все чаще и чаще посещавшая Дашу, делала ее будущее и вовсе непредсказуемым. Давно уже не было на свете мамы Лены, теперь не стало и пережившей ее на несколько лет Веры Николаевны. Это значит, совсем не будет семьи. А что будет?..

В носу у девушки защипало, слезы, подавляемые так долго, наконец заполнили глаза, и она полезла в сумочку за носовым платком. Взгляд ее, затуманенный пеленой, наткнулся на предмет, которого еще недавно здесь не было. Небольшой продолговатый конверт лежал там же, куда она и бросила его во время последнего разговора с бабушкой, — в маленьком внутреннем отделении, рядом с Дашиным портмоне. Наверное, мож-

но было уже прочитать и узнать, что хотела сказать ей Вера Николаевна напоследок, но ни любопытства, ни способности предпринимать какие-то действия сейчас не было: все поглотили апатия, усталость и обреченное чувство конца. Она погладила плотный конверт пальцами, и ей показалось, что от его сиреновой дымки пахнет лесными фиалками — любимым, знакомым ароматом бабушкиных духов...

Даша так глубоко задумалась, что не услышала грузных шагов совсем рядом с собой, и сильно вздрогнула от звука собственного имени, моментально, с обостренным инстинктом самозащиты щелкнув замочком сумочки.

— Дашуня, ну как хорошо, что ты еще здесь! — Жена Сергея Петровича почти шептала, возбужденно озираясь вокруг и прижимая к груди какой-то сверток. — Нам тебя просто бог послал. Вот, возьми, положи за бюстгальтер.

— Куда? — Даше показалось, что она ослышалась.

— За лифчик, говорю. Это так, мелочи, кое-какие украшения — ну, разумеется, не из самых дорогих, но дешевых ведь Вера Николаевна не носила. Завещания-то нет, так что сейчас нотариус начнет описывать имущество. А потом — все пополам, Сереже и брату его... Так ведь что в опись не попадет, то и делить не придется, верно же? Ты нам, конечно, поможешь?

Женщина подмигнула — немолодая, узкогубая, с жидким пучком на затылке, и Даша вдруг почувствова-

Олег Рой

ла внезапный приступ тошноты. Вновь появившегося желаниа бежать отсюда куда глаза глядят...

Не зная, что ответить тетке, как повежливее отказать (а соглашаться на это дикое предложение не было, разумеется, никакой возможности), девушка вдруг припомнила, как про старшую невестку Веры Николаевны в родне шептались, что ее «не принимают». Слишком уж отличалась она от своей свекрови и по воспитанию, и по умению себя держать, и по характеру. Правда, в свое время и брак самой Веры Николаевны с Петрушей Плотниковым — небогатым, неродовитым московским студентом — тоже казался ее родным непростительным мезальянсом. Но Плотников был безумно красив, талантлив, и, как показало время, юная аристократка в нем не ошиблась. Став одним из отцов-основателей советской силикатной промышленности, приобретя огромный авторитет как ученый, он сумел оказаться достойным ее любви, а богатство семьи, умножаясь его работками, в конце концов значительно превысило стоимость того фамильного серебра и жемчуга, которые Вера Николаевна когда-то принесла в дом мужа.

Все эти воспоминания мгновенно пронеслись в Дашиной голове, и она, решившись наконец (поистине, это был день резких ответов в ее жизни!), проговорила:

— Мне кажется, это невозможно. То есть я имею в виду, что нечестно выносить вещи из дома тайком...

Теткины глаза сузились, и, едва сдерживая негодование, она начала:

— Но это же совсем не то, что ты думаешь. Как ты могла... После всего, что мы для тебя сделали...

Но в этот момент мужской голос перебил ее бесцеремонно и властно:

— Милые дамы, у меня для вас новость.

Женщины разом обернулись. Сергей Петрович, раскачиваясь на приподнятых носках и засунув руки в карманы, стоял на пороге кухни. Переведя насмешливый взгляд с жены на Дашу, дядя сказал:

— А завещание-то, оказывается, все же имеется...

Повисло молчание — наэлектризованное и недоброе, как воздух перед грозой. Насладившись произведенным эффектом, Сергей Петрович продолжал:

— Ну, собственно, завещанием это назвать трудно. Не по форме, не заверено — так, листок простой бумаги, но с ее подписью, здесь все честь по чести. Лежал — где бы вы думали? — в той самой заветной шкапулочке...

— Довольно, — словно опомнившись, вдруг сказала Даша, — я больше в этом безумии участвовать не желаю. Мне ваши семейные тайны неинтересны. Я ухожу.

— А ты не торопись, — проговорил, все так же улыбаясь, дядя. — Дело тебя касается напрямую. Думаю, для того мать тебя и звала сегодня, чтобы самолично объявить свою волю, да вот, видишь, я помешал.

— Судя по вашему отличному настроению, Сергей Петрович, интересы вашей семьи завещанное мне на-

Олег Рой

следство ущемляет несильно, — со всей доступной ей ядовитостью произнесла девушка.

Она вдруг почувствовала себя ужасно усталой. Ей и в самом деле малоинтересны стали грядущие события. Куда лучше было бы, грустно подумала она, если бы вместо какого-нибудь заплесневелого куска кружева бабушка подарила мне последний час своей жизни. Она и хотела, да не вышло... Хорошо хоть на память останется письмо — то самое, с ее последними прощальными словами; предчувствовала, видно, что по-настоящему, с глазу на глаз, проститься не удастся...

— Разумеется, разумеется! Совсем не ущемляет! — громко рассмеялся дядя. — Надеюсь, у тебя хватило ума не надеяться ни на какие революционные идеи со стороны Веры Николаевны? Но, впрочем, обсуждать ее решения нам не подобает... Налей-ка мне кофейку, если еще не совсем остыл.

Сергей Петрович уселся за стол, накрытый Дашей к завтраку час назад, и придвинул к себе белоснежную тонкую чашку. Бабушка признавала только тончайший фарфор светлых оттенков.

— Остыл, — сказала Даша.

— Ну, наливай холодный, не подогревать же его, — поторопил ее дядя. Водрузил на элегантный нос очки, закинул ногу на ногу, вытащил из кармана листок бумаги и, взглянув на хмуро молчавшую все это время жену, снова улыбнулся: — И ты садись тоже, устала за эти дни. Да не нервничай так, на тебе же лица нет!..

Женщина молча повиновалась. А Сергей Петрович, откашлявшись, торжественным тоном начал:

— «Я, Плотникова Вера Николаевна, находясь...» — ну, это неинтересно, тут всякие формальности, а суть... где это?.. да, вот: «завещаю своей родственнице Дарье Александровне Смольниковой зеркало с комодом старинной работы начала девятнадцатого века, находящееся в моей единоличной собственности и не представляющее, помимо художественной, никакой иной ценности — ни материальной, ни исторической...»

Дядя поднял глаза на Дашу и прибавил:

— Тут уж мама погорячилась, наверное. Если есть ценность художественная, стало быть, и материальная есть, так ведь? Но не будем придираться... «Дети мои знают, где это зеркало находится, — продолжал он громко. — Обращаюсь к ним с просьбой: в точности и не откладывая исполнить мою последнюю волю».

Он аккуратно свернул лист и с комическим поклоном вручил его Даше.

— Бабушкино трюмо? — переспросила, не до конца понимая происходящее, девушка. — Но... Конечно, это такая память о ней, только куда же я его поставлю? У меня так тесно, а оно такое огромное...

— Дарья, какие приземленные мысли в столь возвышенный момент! — покачал головой Сергей Петрович. Впрочем, тут же посерьезнел, отхлебнул сразу полчашки холодного кофе и сказал: — Извини, дорогая. На самом деле, конечно, я напрасно ерничаю. Но и ты тоже должна нас понять: такие напряженные были эти дни,

Олег Рой

столько было маминых капризов... Знаешь, — доверительно понизил он голос, — я просто стараюсь держаться. Эта история с завещанием всех нас немножко напрягла, но и развеселила немало. И скажу тебе откровенно: если бы речь шла не о старом зеркале, а о чем-нибудь посущественнее, может, этот листочек до тебя и не дошел бы... Но, слава богу, не пришлось брать греха на душу. Так ты принимаешь наследство? — почти игривым тоном закончил дядя.

А Даша почти не слушала его. Перед ее глазами стояла сцена одного из последних свиданий с бабушкой — тогда она еще вставала, ходила, и однажды Даша застала ее перед старым трюмо в спальне. Вера Николаевна приблизила к зеркалу лицо, напряженно вглядываясь в свое темное, размытое отражение, и водила по щекам пуховкой, как, должно быть, тысячи раз делала в молодости... «Старая... Совсем старая! — вздохнула она глубоким, прерывистым вздохом и обернулась к девушке: — Дашенька, знаешь ли ты, когда человек становится по-настоящему, отчаянно старым? Только когда на земле уже не остается людей, которые знали его молодым. Больше нет никого, кто бы помнил меня не морщинистой старухой, а девочкой с косичками или молодой красивой барышней... никого. Только это зеркало. Только оно... и в нем — мои отражения...»

— Даша! Да ты не слушаешь меня, что ли?

— Слушаю, дядя, — усилием воли выравшись из тенет памяти, проговорила Даша. — Я все слышу. Я возьму его.

* * *

Несколько следующих дней слились для Даши в одну сплошную серую, тоскливую пелену. Она помогала родственникам оформить какие-то необходимые бумаги (Веру Николаевну, по ее собственной просьбе, решено было похоронить на Новодевичьем, рядом с мужем-академиком, а это оказалось непросто и требовало многочисленных усилий и хлопот), звонила дальним знакомым, сообщая им о происшедшем, и еще — набрасывала по дядиной просьбе эскиз памятника. Нужно было встретить в аэропорту Бориса Петровича, старшего бабушкиного сына, который почти безвыездно жил теперь за границей; заказать цветы; продумать меню поминального ужина... ей вообще казалось, что все мыслимые и немыслимые заботы по организации печальных бабушкиных проводов свалились именно на ее, Дашины, плечи.

Ну и, конечно, при этом необходимо было хоть ненадолго показываться на работе и... Что еще? Ах да! Улучить минутку и хоть однажды встретиться с Игорем.

Ему хотелось, разумеется, заехать к ней, но сейчас у Даши не было сил ни для ночных душевных разговоров, ни тем более для любовных объятий. Поэтому договорились вместе выпить кофе в любимой Дашиной кондитерской — она была сластеной, и Игорь вечно умилялся детской ее способности заедать неприятности шоколадкой. А Даша никогда не объясняла ему, что так может поступать только с мелкими неприятностями —

Олег Рой

о глубоких своих печалях ей и в голову не приходило ему рассказывать. Таков был установленный им самим стиль отношений между ними — отношений уже пятилетних и при этом легких, необременительных, почти невесомых.

Сейчас, глядя на друга, Даша в который уж раз отметила про себя колоритность и броскость его внешности — не случайно сидевшая за соседним столиком немолодая супружеская пара в который уж раз словно ненароком бросала на Игоря любопытные взоры. У него было лицо человека, жадного до всех дозволенных и недозволенных утех, знающего толк в плотских радостях, но при этом умеющего себя смирять по необходимости. Лицо — умное, волевое, немного хищное и сражающее почти наповал четкими, правильными чертами, словно вырубленными из камня резцом мастера, глазами какого-то особенно глубокого чайного цвета и непокорными, жесткими темными волосами. Когда они с Дашей бывали где-нибудь вдвоем, то внимание окружающих в этой паре привлекал скорее мужчина, нежели женщина; если Игорь был черно-белой гравюрой с абстрактными ломаными линиями, то Даша — рисунком в пастельных тонах. Благородство ее внешности, неброское сочетание всех ее красок — прозрачно-зеленоватые глаза, русые волосы, очень светлую, перламутровую кожу — мог оценить не каждый. Но у тех, кому хватало для этого вкуса, надолго оставались в памяти тонкий Дашин профиль, грациозные движения и пленительные, словно удлиненные линии ее тела.

— Так что ты собираешься делать с этой бандурой? — спросил он, внимательно выслушав повествование девушки и закурив очередную сигарету. В этой кофейне разрешалось курить, а для Игоря это было обязательным условием комфортного существования. Даше пачки сигарет хватало чуть не на месяц — для нее это оставалось скорее старой студенческой привычкой или же признаком сильного волнения, нежели насущной необходимостью. И сейчас, мысленно поморщившись (как все-таки невкусно пахнет дым!), она переспросила, не сразу разобравшись в смысле вопроса:

— Бандурой?.. А, ты имеешь в виду бабушкино трюмо. По-моему, вариант всего один: перевезу к себе, втисну в прихожей... Кстати, ты зря так непочтительно отзываешься об этом наследстве: вещь антикварная и даже довольно красивая.

— Эта антикварная и красивая вещь, дорогая, съест все твоё жизненное пространство. Если зеркало действительно так велико, как ты говоришь...

— Я ничего не говорила тебе о его размерах, — внимательно посмотрев на друга, проговорила Даша. — Но ты прав: оно действительно огромное.

— И конечно, тебе потребуется грубая мужская сила, чтобы затащить этот подарочек на четвертый этаж, а потом долго двигать по квартире, подбирая подходящее место, — полувопросительно-полуутвердительно протянул Игорь. — Я как раз хотел сказать тебе, что вся

Олег Рой

следующая неделя у меня совершенно безумная и, боюсь, меня может даже не оказаться в Москве...

— А я как раз хотела тебе сказать, что ты можешь не беспокоиться по поводу моих хлопот с громоздким наследством, — в тон ему ответила Даша. — День перевозки уже назначен, и грузчики заказаны — слава богу, сегодня с этим нет никаких проблем. Можешь спокойно работать.

— Ну, Дашунчик, как ты могла такое подумать? — засмеялся Игорь, шумно задвигавшись, потянувшись к девушке через столик, чтобы обнять ее, и опрокинув при этом высокую узкую вазочку с сухими цветами. Глаза его были искренними, смех — ничуть не извиняющимся, но Даша знала его слишком хорошо, чтобы не уловить в этом смехе нотки облегчения вперемежку с легкой неловкостью.

— Ты помнишь, я просила тебя не называть меня Дашунчиком?.. Но это, конечно, пустяк, к слову. Так что там у тебя такого безумного на следующей неделе? Надеюсь, никаких неприятностей?

— Тьфу-тьфу-тьфу, — выразительно постучал по столешнице Игорь. — Никаких неприятностей, нормальный творческий процесс. Обычная запарка перед сдачей целой лавины текстов. Знаешь...

Даша вполуха слушала, как он принялся подробно и обстоятельно описывать ей свои вечно меняющиеся, но никогда не исчерпывающиеся до конца производственные проблемы. Игорь работал в крупном рекламном

агентстве, считался блестящим копирайтером и спичрайтером, с ходу изобретал самые сложные и необычные слоганы и вообще, как говорили, был рекламистом от бога. Энергичный, неумный, обаятельный, он, казалось, находился одновременно в десятке мест, успевая сделать любое задание втрое быстрее, чем его коллеги, и беспрерывно фонтанируя новыми идеями и замыслами. И когда Даша слышала от общих знакомых намеки на его беспринципность или способность идти по головам ради собственной цели, то она никогда не могла понять: что в этих разговорах правда, а что — отголоски скрытой зависти к удачливому конкуренту. Впрочем, сама Даша давно уже не заблуждалась по поводу характера своего друга, главными чертами которого были абсолютная независимость и нежелание брать на себя проблемы окружающих. Игорь никогда и никому не хотел делать больно — но меньше всего самому себе.

— ...Так вот, я и подумал, что тебе, наверное, интересно будет пойти вместе со мной, — ухватила она конец Игоревой фразы и недоуменно подняла на него глаза. Он же, порывшись в кармане своего дорогого костюма, небрежно бросил ей на колени удлиненный конверт с золотым тиснением. В таких обычно рассылают приглашения на торжественные мероприятия, которым гарантирована немалая шумиха в прессе. «Национальная премия «Золотое яблоко», — прочла Даша. Разумеется, как она могла забыть... И в глазах ее всплыл другой конверт — узкий, сиреневый, слабо пахнущий